

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ КЕЛЬТОВ

Томас
Роллестон

Племена боини Дану
принесли с севера в Ирландию
четыре талисмана: камень Фал,
волшебный меч Нуаду,
копье бога солнца Луга
и котел изобилия
отца богов Дагда.

◀ Огма — в кельтской мифологии
солнечный бог красноречия, сын бога знаний Дагда.
Изображался в виде старца, облаченного
в звериную шкуру.

Томас Роллестон

**Мифы, легенды и
предания кельтов**

«Центрполиграф»

Роллестон Т.

Мифы, легенды и предания кельтов / Т. Роллестон —
«Центрполиграф»,

Книга рассказывает о происхождении, религии, мифах и преданиях кельтов – одного из самых загадочных европейских народов. О том влиянии, которое оказал народ воинов и жрецов-друидов на европейскую историю, литературу и искусство. Ирландские саги, мифы и легенды, уэльскую и валлийскую мифологию, рыцарские романы автор представляет без добавлений и изменений, в том виде, в каком они существуют до сих пор, сопровождая их исчерпывающими комментариями.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Томас Роллестон

Мифы, легенды и предания кельтов

Предисловие

Хотя о прошлом зачастую забывают, оно никогда не погибает окончательно. Элементы, однажды вошедшие в кровь и плоть народа, пусть даже во времена самые отдаленные, уже не исчезают, они помогают формировать его историю и накладывают отпечаток на его дух и характер.

А потому исследование этих элементов и изучение, по мере возможности, того следа, который они оставили в жизни нации, весьма важно и представляет немалый интерес для тех, кто осознает, что настоящее – дитя прошедшего, а будущее рождается из настоящего; для тех, кто видит в себе, в своих родных и согражданах не просто мимолетных призраков, спешащих из бездны в бездну, но часть могучей реки народной истории, стремящейся от далеких сокрытых истоков в будущее, обусловленное всеми ее предшествующими поворотами и извилами и одновременно являющееся итогом выбора людей, ее составляющих, с их мужеством и патриотизмом, знаниями и интеллектом.

Влияние кельтов на историю, литературу и искусство жителей Британских островов – народа, распространившего отсюда свое влияние на столь значительную территорию земного шара, – незаслуженно недооценивается массовым сознанием. Причина этого заключается прежде всего в термине «англосаксонский», общепринятой характеристике нации, населяющей Британию. С исторической точки зрения данный термин крайне обманчив. Ничто не оправдывает выбор названий двух нижнегерманских племен, если мы хотим определить этнический состав британцев. Использование данного термина приводит к несообразностям наподобие не так давно обнаруженной автором, когда в английской газете тот факт, что папа римский выдвинул кандидатуру ирландского епископа в качестве претендента на сан кардинала, объяснялся желанием главы католической церкви оказать любезность «англосаксонской нации».

Подлинной характеристикой населения Британских островов и основной части населения Северной Америки служит не понятие «англосаксонский», но понятие «англо-кельтский». Именно это сочетание германского и кельтского элемента придает исключительность жителям Британии; именно это сочетание привносит в душу народа огонь, *elan*, а в литературу и искусство – чувство стиля, цвета, сюжета, непохожее на все произросшее на германской почве, и в то же время дарует ему вдумчивость и глубину, почтение к древним законам и обычаям и стремление к свободе, чуждые в большей или меньшей степени романским народам юга Европы. Пусть для Британских островов качества эти никогда не станут чуждыми! И не следует полагать, что основу этой кельтской составляющей заложили единственно (или хотя бы преимущественно) обитатели так называемой «кельтской окраины». Этнологам ныне прекрасно известно, что саксы вовсе не искореняли кельтское или «кельтизированное» население, на момент их прихода владевшее Великобританией. Э.У.Б. Никольсон, сотрудник Бодлеанской библиотеки, в своем важном труде «Кельтские изыскания» (1904) пишет:

«Имена, которые не были придуманы специально с целью указать на этническую принадлежность, нельзя считать доказательством таковой, но только доказательством общности языка или общности политического устройства. Мы называем англичанином того, кто говорит по-английски, живет в Англии и носит типично английскую фамилию (например, Фримэн¹ или

¹ Что касается фамилии Фримэн, Никольсон добавляет: «Никто не был большим англичанином в своих пристрастиях,

Ньютон). Однако статистические показатели «относительной черноты» дают серьезные основания полагать, что Ланкашир, Западный Йоркшир, Стаффордшир, Вустершир, Уорикшир, Лестершир, Ратленд, Кембриджшир, Уилтшир, Сомерсет и часть Суссекса – области столь же «кельтские», как Пертшир и Северный Мунстер; что Чешир, Шропшир, Херефордшир, Монмутшир, Глочестершир, Девон, Дорсет, Нортгемптоншир, Хантингдоншир и Бедфордшир аналогичны в данном отношении Северному Уэльсу и Лейнстеру; в то время как Бакингамшир и Хартфордшир превосходят их и стоят наравне с Южным Уэльсом и Ульстером».

Итак, предлагаемый очерк древнейшей истории, религии, мифов и романтической литературы кельтских народов написан для англо-кельтской, а не «англосаксонской» нации. Автор надеется, что многое, о чем говорится здесь и что явилось вкладом в общую сокровищницу европейской культуры, будет сочтено достойным внимания представителями этой нации, теми, кто из всех ныне живущих более всего унаследовал от крови, наклонностей и духа кельтов.

чем великий историк, носивший это имя, и, пожалуй, никто бы не сопротивлялся сильнее, услышав предположение, что он – выходец из Уэльса; тем не менее я встретил его двойника – фермера-валлийца (по фамилии Эванс), жившего неподалеку от Пуллхели».

Глава 1

Кельты в античной истории первые упоминания

За пятьсот лет до Рождества Христова в летописях народов классической древности появляются упоминания о племени, с которыми эти народы встречались мирно или на поле битвы. Племя это явственно обладало большим влиянием и могуществом на просторах «терра инкогнита» Центральной Европы. Греки называют его «гиперборейцы», или «кельты», – последний термин впервые появляется у географа Гекатея, около 500 г. до н. э.²

Геродот, примерно полустолетием позже, говорит, что кельты живут «за геркулесовыми столпами», то есть в Испании, и что Дунай течет через их земли.

Аристотель знает, что они живут «за Испанией», что они захватили Рим и что благодаря своей воинственности они накопили огромные богатства. Уже у ранних авторов встречаются известия не только географического характера. Гелланик с Лесбоса, историк V в. до н. э., сообщает, что кельты справедливы и добродетельны. У Эфора – около 350 г. до н. э. – есть три стихотворные строки о кельтах, где говорится, что у них «те же обычаи, что у греков», что бы это ни значило, и они дружат с эллинами и приглашают их в гости. Однако Платон в своих «Законах» причисляет кельтов к народам много пьющим и воинственным, а поскольку они вторглись в Грецию и в 273 г. до н. э. разорили Дельфы, их вообще считают племенем крайне варварским. Случившееся веком ранее разорение кельтами Рима стало одной из значимых вех античной истории.

О судьбе этого народа во времена, когда он являл собой могущественнейшую силу в Центральной Европе, можно только догадываться, или же можно воссоздавать ее из разрозненных упоминаний и рассказов о взаимоотношениях кельтов с Грецией и Римом – примерно так, как зоолог воссоздает облик допотопного чудовища по нескольким окаменевшим костям. Собственные их хроники не дошли до нас, и никаких архитектурных сооружений от них не осталось; несколько монет да несколько украшений и немного бронзового оружия с эмалевым декором или с изящными орнаментами, выполненными в технике чеканки или гравировки, – эти предметы да еще названия мест в измененном (порой до неузнаваемости) виде, но все же сохранившиеся на картах, там, где кельты жили – от Эвксина до Британских островов, ныне практически единственные зримые следы былой мощи и древней культуры этого народа, которыми мы располагаем. Тем не менее археологические и топографические свидетельства и сообщения античных авторов позволяют многое установить с очевидностью, а еще больше – с высокой степенью вероятности. Великий ученый-кельтолог, недавно, ко всеобщему приискорбию, от нас ушедший, д'Арбуа де Жюбенвилль³, опираясь на имеющийся в нашем распоряжении материал, реконструировал в общих чертах, но с большой долей убедительности тот период кельтской истории, который предшествовал их появлению на исторической арене (в результате завоеваний Цезаря); основные его идеи мы и воспроизводим здесь.

Чистокровные кельты

Для начала нам следует отказаться от мысли, что Кельтику населяла одна «чистая» раса. Чистокровные кельты, если принять вывод Т. Раиса Холмса⁴, подкрепленный длительными

² У него фигурируют «Ниракс, город кельтов» и «Массалия [Марсель], город в Лигурии в стране кельтов» («Фрагменты греческой истории»)

³ В своей книге «Первые обитатели Европы», том II.

⁴ Завоевания Цезаря в Галлии. С. 251–327.

исследованиями и подробной аргументацией, а также поддерживаемый всем хором античных авторов, были народом высоким, светлокожим, воинственным и искусным⁵. Они происходили, насколько возможно проследить, откуда-то из земель у истоков Дуная, но распространили свои владения, как с помощью завоеваний, так и путем мирного расселения, на всю Центральную Европу, Галлию, Испанию и Британские острова. Они не уничтожали исконных жителей этих регионов – племена палеолита и неолита, которые строили дольмены и обрабатывали бронзу, – но навязывали им свой язык, свое искусство и традиции, без сомнения немало получая взамен, например, как мы увидим, в такой важной области, как религия. Среди этих племен кельты приобретали статус правящей аристократической элиты. В таком качестве они возглавляли вооруженное противостояние чужеземным завоевателям, как в Галлии, так и в Испании, в Британии и в Ирландии. На них ложилось основное бремя во времена войны и мародерских грабежей. Они никогда не испытывали недостатка в отваге, но, чтобы победить, им не хватало силы или сплоченности, и среди них потери оказывались больше, чем среди исконного населения, некогда завоеванного ими. Кроме того, они заключали браки с местными жителями, чьи потомки унаследовали отчасти их доблесть и мужественность. Так и получилось, что характеристики народностей, в настоящее время называемых кельтскими, тех, кто унаследовал кельтскую традицию и язык, в чем-то полностью отличны от свойств кельтов античности и тех, кто создавал литературу и произведения искусства древней Ирландии, а в чем-то очень схожи. Если брать одни только физические признаки, для жителей кельтских областей на Британских островах сегодня типичны смуглая кожа, темные волосы и т. д. – не вполне черные, но темнее, нежели у большинства населения страны⁶. Но настоящие кельты конечно же были светлокожие и светловолосые. Даже ирландцы XVII в. у Гиральда Камбрейского описываются как «светлый» народ.

Золотой век кельтов

Но мы забегаем вперед; пора вернуться к начальным временам кельтской истории. Как астрономы узнают о присутствии невидимой планеты, наблюдая за возмущениями, сопровождающими движение зримых небесных тел, так и мы можем разглядеть в V и IV вв. до Рождества Христова, за покровом тайны, который уже никогда не поднимется, наличие некоей могущественной силы, находившейся в постоянном движении. То был золотой век кельтов на европей-

⁵ Люди античности не слишком внимательно изучали чужую внешность. Они описывают кельтов почти в тех же выражениях, что и германцев. Доктор Райе Холмс полагает, что на деле «светлые» германцы были белокурые, а кельты – рыжие. На с. 315 вышеупомянутой работы мы обнаруживаем любопытный пассаж: «При том, что примесь другой крови, несомненно, должна была существенно изменить первоначальный тип кельтских или гэльских завоевателей островов, кажется поразительным тот факт, что среди наших «кельтоязычных» земляков встречается множество представителей типа, распространенного также в тех областях Бретани, которые были колонизированы пришельцами из Британии, а также в тех частях Галлии, где захватчики-галлы селились особенно плотно, равно как и в Северной Италии, где некогда господствовали кельты. Не менее удивительно и то, что данный тип, *даже в лице самых белокурых его носителей, заметно отличается, как на взгляд случайного наблюдателя, так и на взгляд ученого, от самых чистокровных представителей древних германцев.* Хорошо известная картина сэра Дэвида Уилки, «Чтение известий о Ватерлоо», как отмечал Даниэль Уилсон, прекрасно иллюстрирует это различие. Посадите обитателя пертширских высокогорий рядом с фермером из Суссекса. Оба они светловолосые; но рыжие волосы и борода шотландца будут резко контрастировать с «соломенными» волосами англичанина, а отличие в чертах лица окажется еще более заметным. Я помню двух егерей в железнодорожном вагоне, по дороге из Инвернесса в Лэйри. Эти высокие, хорошо сложенные, светловолосые люди, очевидно, принадлежали к скандинавскому типу, который, как сообщает доктор Беддо, вполне обычен на крайнем севере Шотландии; но и цветом волос и кожи, и в целом они полностью различались от высоких горцев, которых я видел в Пертшире. В волосах их отсутствовал малейший намек на рыжину, длинные бороды у них были соломенные. Мне кажется наиболее важной характеристикой именно преобладание рыжих среди людей, говорящих на кельтских языках. Не только одиннадцать человек из каждой сотни окажутся совершенно рыжими, но несложно заметить тот же оттенок и у темно-русых, и у черноволосых».

⁶ См. карту, приведенную у Рипли в «Народах Европы», с. 318. Однако во Франции бретонцы отнюдь не темнее в сравнении с прочим населением. Их предками были древние гэльские племена, а также выходцы из Уэльса, изгнанные с родины вторжением саксов.

ском континенте. В течение этого периода кельты успешно сражались в трех серьезных войнах, немало повлиявших на ход истории на юге Европы. Около 500 г. до н. э. они отняли Испанию у карфагенян. Веком позже они отвоевывают Северную Италию у этрусков. Кельты достаточно плотно расселяются по территории, позднее известной как Цизальпинская Галлия, где о них до сих пор напоминает множество топонимов, таких, как *Mediolanum* (Милан), *Addua* (Адда), *Virodunum* (Верден) и, вероятно, *Cremona* (*creamh*, чеснок)⁷. Они оставили память о себе в лице величайшего из латинских поэтов, чье имя, Вергилий, указывает, возможно, на его кельтское происхождение⁸. К концу IV столетия кельты захватили Паннонию, покорив иллирийцев.

Союзы с греками

Все эти войны велись в союзе с греками, с которыми кельты в то время находились в самых дружеских отношениях. После войны с карфагенянами монополия последних на британское олово и серебро из испанских рудников была поколеблена, и эллины могли спокойно торговать, пользуясь сухопутным торговым путем через Францию в Британию, на котором фокейцы в 600 г. до н. э. выстроили порт Марсель. Греки и кельты в то время объединились против финикийцев и персов. Гелон разбил Гамилькара у Гимеры, что в Сицилии, в год поражения Ксеркса при Саламине. Карфагенская армия в том походе состояла из наемников полудюжины различных национальностей, но в рядах ее не было ни одного кельта, и враждебность кельтов немало поспособствовала тому, что карфагеняне не послали помощь персам в борьбе против общего врага. Все приведенные факты свидетельствуют об одном: во многом благодаря кельтам греческая цивилизация не погибла под натиском восточных деспотий и в Европе прижился бесценный росток свободы и культуры.

Александр Великий

Когда при Александре Великом началось встречное наступление эллинов на Восток, кельты опять сыграли немалую роль в развитии событий.

В IV в. Македония была атакована и почти разрушена полчищами фракийцев и иллирийцев. Царь Аминта II потерпел поражение и отправился в изгнание. Его сын Пердикка II погиб в бою. Филипп, младший брат Пердикки, воссел на довольно шаткий трон, который он и его потомки сделали центром великой империи. Завоевания кельтов в долинах рек Дуная и По весьма помогли Филиппу, стремившемуся сбросить иго иллирийцев. В дни Александра союз по-прежнему оставался в силе и, вероятно, был скреплен неким официальным договором. Собираясь в 334 г. до н. э. на завоевание Азии, Александр заключил соглашение с кельтами, «живущими у Ионийского залива», дабы обезопасить на время своего отсутствия собственные греческие владения. Об этом эпизоде рассказывает Птолемей Сотер в истории Александровых войн⁹. Яркость и живость его рассказа свидетельствуют в пользу его подлинности; еще одно независимое подтверждение истинности этой истории нашел де Жюбенвилль. Итак, кельтские послы, которые, как нам сообщается, были рослые и мнения о себе высокого, успешно завершили свою миссию; они пьют с царем, и тот спрашивает, чего они больше всего боятся. Послы отвечают: «Людей мы не боимся; только одного мы опасаемся – как бы не упало на нас небо; но

⁷ См. книгу Хольдера «Сокровищница языка древних кельтов».

⁸ «Вергилий», вероятно, означает «очень яркий» или «прославленный», это вполне обычное имя собственное. В галльских именах «*veg*» (Верцингеториг, Веркасивелласим и др.) часто выступает в роли усилительного префикса, подобно современному ирландскому «*fiog*». Название деревни, где родился Вергилий, Анды (ныне Пиетола), кельтского происхождения. Его любовь к природе, его мистицизм, его пристрастие к красотам языка и стихотворного размера – качества сугубо кельтские.

⁹ Птолемей, друг и, вероятно, сводный брат Александра, разумеется, присутствовал при этом событии. Его труд не сохранился, но выдержки из него приводят Арриан и другие историки (*Арриан. Поход Александра*, I, 4, 6–8).

ничто мы не ценим выше, чем дружбу такого, как ты». Александр распрощался с ними и заметил своим приближенным: «Что за хвастуны эти кельты!» Однако ответ послов, при всей его истинно кельтской дерзости, не лишен благородства и любезности. Слова о возможном падении неба, по-видимому, отсылают нас к некоему древнейшему поверью или мифу, но точное содержание его ныне установить невозможно¹⁰. Интересен текст клятвы, принесенной кельтами при заключении соглашения: «Если мы нарушим данное обещание, пусть небо упадет на нас и раздавит, пусть земля разверзнется и поглотит нас, пусть море поднимется и обрушится на нас». Де Жюбенвилль обращает внимание читателей на соответствующий пассаж из «*Gain by Cuailnge*» («Похищение быка из Куальнге»), в рукописи Лейнстерской книги¹¹, где герои-улады говорят своему королю, который хочет покинуть их, чтобы встретить врага в другом месте: «Небеса у нас над головой, а земля под ногами, и море вокруг. Доколе небо со множеством звезд не обрушится наземь, доколе голубокрайнее многорыбное море не покроет землю, доколе не разверзнется твердь, ни на шаг не отступим...»¹² То, что эта своеобразная клятвенная формула просуществовала более тысячи лет, и то, что, прозвучав из уст кельтов Центральной Европы, она вновь возникает в ирландском предании, действительно весьма любопытно и вместе с прочими фактами, о которых пойдет речь позднее, убедительно свидетельствует в пользу непрерывности и единства кельтской культурной традиции¹³.

Разорение Рима

Мы упомянули о трех великих войнах континентальных кельтов; теперь мы подходим к третьей – войне с этрусками, которая с неизбежностью привела их к столкновению с величайшей силой языческой Европы и дала им возможность совершить их великолепнейший подвиг – взятие Рима. Около 400 г. до н. э. Кельтская империя, по-видимому, достигла вершины своего могущества. При царе, которого Ливии именует Амбигатом и который был, по-видимому, вождем главенствующего в военной конфедерации племени (подобно нынешнему германскому императору¹⁴), кельты, очевидно, обрели определенное политическое единство и выработали последовательную стратегию совместных действий. Привлеченные изобильными землями Северной Италии, они перебрались через альпийские перевалы и, вступив в жестокую схватку с этрусками, населявшими данный район, утвердились на новом месте. В то время римляне теснили этрусков с юга, и таким образом римляне и кельты оказались союзниками. Но обитатели Вечного города проявили опрометчивость, когда при осаде Клузия в 391 г. до н. э., видимо из презрения к северным варварам, поступили по отношению к ним бесчестно. Кельты увидели, что римляне, явившиеся к ним под защитой священного статуса посланцев, сражаются на стороне их врагов. Последовавшие за этим события, в том виде, в каком они известны нам, в значительной степени несут на себе отпечаток легенды, однако в ярких драматических деталях проглядывают черты кельтского национального характера. Итак, северяне потребовали возмездия для предателей – послов, которыми были три сына Фабия Амбуста. Римляне отказались удовлетворить их требование и на следующий год избрали сыновей Фабия военными трибунами. Тогда кельты сняли осаду Клузия и двинулись на Рим. Армия проявила невероятную дисциплинированность. По дороге не происходило никаких грабежей, ни один город не был разорен. «Мы идем на Рим!» – кричали они изумленным и испуганным часовым,

¹⁰ Здесь можно припомнить народную сказку о Хенни Пенни, который ходил сообщить королю, что небо падает.

¹¹ Лейнстерская книга датируется XII столетием. Версия «Похищения», данная в ней, восходит, вероятно, к VIII в. См.: «*Premiers Habitants*», ii. С. 316.

¹² Цит. по: Похищение быка из Куальнге. Издание подготовили Т.А. Михайлова, С.В. Шкунаев. М.: Наука, 1985. 494 с. С. 319.

¹³ А также говорит о правдивости рассказа Птолемея.

¹⁴ Первое издание книги относится к 1917 г.

наблюдавшим со стен провинциальных городов за стремительным продвижением войска на юг. Наконец кельты добрались до Аллии, речки в нескольких милях от Рима, где все силы Города собрались, чтобы достойно встретить их. Битва произошла 18 июля 390 г., и этот горестный *dies Alliensis* надолго остался в римском календаре воспоминанием о величайшем позоре, который когда-либо переживала республика. Кельты ударили во фланг римской армии и смяли ее своим могучим натиском. Спустя три дня они были в Риме и почти год оставались властителями города, или, точнее, его развалин, пока не получили огромный выкуп и не отомстили сполна за вероломство при Клузии. На протяжении примерно столетия между кельтами и римлянами царил мир; конец этого мирного периода, когда некоторые кельтские племена в Третьей самнитской войне объединились со своими старыми врагами, этрусками, совпал с распадом Кельтской империи¹⁵.

Прежде чем мы закончим с исторической частью нашего вступления, следует рассмотреть еще два вопроса. Во-первых, каковы свидетельства масштабы кельтского влияния в Центральной Европе того времени? Во-вторых, чем тогда занимались германцы и каковы были их взаимоотношения с кельтами?

Кельтские топонимы в Европе

В поисках развернутого ответа на эти вопросы нам потребовалось бы погрузиться в бездну лингвистических тонкостей, в которых способен как следует разобраться только специалист. Соответствующее обоснование полностью дано в работе де Жюбенвилля, о которой уже неоднократно упоминалось. Основу его аргументации составляет исследование европейских топонимов. Так, возьмем кельтское наименование *Noviomagus*, состоящее из двух кельтских слов: прилагательного, обозначающего «новый», и *magos* (ирландское *magh*) – «поле, равнина»¹⁶. В древности было известно девять мест с таким названием. Шесть из них находились во Франции, среди них нынешний Нуайон на Уазе, Нижон в Воже, Ньюон в Дроме. За пределами Франции можно назвать Нимеж в Бельгии и Неймеген в долине Рейна.

Для европейских топонимов типичным является также кельтский элемент «*dunum*» – «крепость», «замок», и по сей день нередко встречающийся в названиях местностей Ирландии и Шотландии (Дандолк, Данробин и др.). Его часто можно обнаружить во французских топонимах: *Lug-dunum* (Лион), *Viro-dunum* (Верден). В Швейцарии нужно назвать *Minno-dunum* (Мудон), *Eburo-dunum* (Ивердон); в Нидерландах название города Лейден восходит опять-таки к *Lug-dunum*. В Великобритании кельтское обозначение нередко просто переводили словом «*castra*»; так, *Camulo-dunum* превратился в Колчестер, *Branodunum* – в Бранкастер. Для Испании и Португалии классические авторы называют восемь топонимов, оканчивающихся на «*-dunum*». Современные немецкие названия Кемптон, Карнберг, Лиенц восходят соответственно к кельтским формам *Cambo-dunum*, *Carro-dunum*, *Lugi-dunum*; нынешний Белград (Сербия) – это *Sugi-dunum*, *Novi-dunum* – теперь Исакча в Румынии, один *Carro-dunum* расположен на юге России близ Днестра, а другой – в Хорватии, теперь – Пицмеца. *Segodunum* – это не только нынешний Родез во Франции, но и Вюрцбург в Баварии; в Англии же имеется *Sege-dunum* (Уоллсенд в Нортумберленде); первый элемент, «*sego*», вполне различим в испанском топониме Сегорбе (*Sego-briga*). «*Briga*» – опять-таки кельтское слово, этимологически связанное с германским «*burg*» и эквивалентное по значению «*dunum*».

Еще один пример: слово «*magos*», «равнина», весьма употребительное в Ирландии, в изобилии встречается как во Франции, так и за ее пределами; например, в Швейцарии (*Uro-*

¹⁵ Римские историки сообщают о других столкновениях с кельтами в течение этого времени, но де Жюбенвилль показал, что их сообщения почти целиком вымышлены.

¹⁶ Например, Маг Меала (*magh meala*) – Равнина Меда, гэльское название Страны блаженных.

magus, теперь Промасен), в долине Рейна (*Brocomagus*, или Брумат), несколько раз – в Ломбардии и в Австрии.

Приведенный список примеров далеко не полон; автор просто хотел показать, насколько широко простиралось влияние кельтов и в какой чистоте сохраняли они свой язык, где бы ни жили.

Раннее кельтское искусство

О том же свидетельствуют остатки материальной культуры древних кельтов. В 1846 г. в Гальштатте, близ Зальцбурга, что в Австрии, был обнаружен гигантский некрополь доримского периода. Доктор Артур Эванс полагает, что предметы, в нем содержащиеся, относятся примерно к 750–400 гг. до н. э. Многие из них свидетельствуют о высоком уровне материальной культуры и развитой торговле. Так, там были найдены янтарь с берегов Балтийского моря, финикийское стекло, золотые поделки восточной работы, а также железные мечи, рукояти и ножна которых богато украшены золотом, слоновой костью и янтарем.

Кельтская культура, к которой принадлежат находки в Гальштатте, трансформировалась позднее в то, что теперь называют латенской культурой. Поселение Латен располагается на северо-восточном берегу озера Невшатель, и с 1858 г., когда там впервые были проведены раскопки, археологи нашли в этих местах немало интереснейших предметов. По мнению доктора Эванса, эти древности относятся к периоду расцвета цивилизации в Галлии и датируются приблизительно III в. до н. э. О латенской культуре следует судить исходя из недавнего наблюдения Ромилли Аллена, приводимого в его книге «Кельтское искусство» (Romilly Allen, «Celtic Art», p. 13):

«Понимание эволюции кельтского искусства затрудняет прежде всего тот факт, что, хотя кельты как будто бы не изобрели ничего нового, они проявляли удивительную способность заимствовать идеи самых разных народов, с какими сталкивала их война или торговля. И едва кельт присваивал какую бы то ни было мысль соседей, как она тут же становилась настолько кельтской, что преображалась почти до неузнаваемости».

Итак, кельты вершинной континентальной культуры – латенской – усвоили первоначально вполне натуралистические мотивы греческих орнаментов, в частности пальметту и меандр. Однако кельтам было свойственно избегать в своем художественном творчестве любого, пусть даже самого осторожного, подражания естественным формам растительного и животного мира. В их руках все обретало чисто декоративный характер. Им нравились сочетания длинных плавных кривых и волн с энергией плотно свитых спиралей и выпуклостей, и из этих простых элементов, добавив к ним несколько греческих мотивов, они создали прекрасные, изящные и разнообразные орнаменты и декоративные детали и стали пользоваться ими, изготавливая оружие, украшения, домашнюю утварь, из золота ли, бронзы, дерева или камня, и, вероятно, когда шили одежду, хоть мы и не можем утверждать этого с точностью. По-видимому, только одна великолепная составляющая декора металлических изделий – целиком и полностью порождение Кельтики. Эмаль была неизвестна народам классической античности, пока они не узнали о ней от кельтов. Еще в III в. н. э. она казалась диковиной в Средиземноморье, о чем свидетельствует замечание Филострата: «Рассказывают, будто они (то есть бритты) льют эти краски на раскаленную медь и будто они прилипают, становятся твердыми, как камень, и узоры, сделанные на них, не исчезают».

Дж. Андерсон пишет в «Записках шотландского общества антикваров»:

«Галлы, как и бритты – отростки одного кельтского ствола, – изготавливали эмаль еще до римского завоевания. Среди развалин города Бибракте, уничтоженного легионами Цезаря, были недавно открыты мастерские, с печами, тиглями, формами, шлифовальными камнями, с эмалями на разных стадиях изготовления. Но по сравнению с бриттскими образчиками эмали

из Бибракте – дилетантские эксперименты. Родиной этого искусства была Британия, и художественный стиль, как и те находки, вместе с которыми были обнаружены образчики эмали, со всей определенностью указывают, что высшей ступени развития это искусство достигло прежде, чем установился контакт с культурой Рима».

В Национальном музее города Дублина имеется множество шедевров ирландского декоративного искусства – бронза, золото, эмали, – и то «кельтское», о котором говорит Ромилли Аллен, столь же отчетливо проглядывает здесь, как и в предметах из Гальштатта или Латена.

Таким образом, все свидетельствует об общности культуры и тождестве национального характера на всей обширной территории, известной античному миру под именем Кельтика.

Кельты и германцы

Но, как мы уже говорили, эту территорию населяли отнюдь не только кельты. В частности, хотелось бы выяснить, кто были и где жили германцы, тевтоготские племена, вслед за кельтами ставшие для классической цивилизации жестокой угрозой с севера?

О них упоминает Пифей, выдающийся греческий путешественник и географ, около 300 г. до н. э., но они не играют никакой роли в истории до тех пор, пока на исходе II столетия, теперь уже под именем кимвров и тевтонов, не вторгаются в Италию и не терпят поражение от Мария. Древнегреческие географы – предшественники Пифея ничего о них не знают и отдают все земли, которые ныне считаются германскими, различным кельтским племенам.

Объяснение, данное де Жюбенвиллем и основанное на различных соображениях лингвистического характера, состоит в том, что германцы подчинялись кельтам, как подчинялись им жившие в Галлии и в древней Ирландии «несвободные племена». Они не обладали никакой собственной политической значимостью. Де Жюбенвилль полагает, что все слова, связанные с законом, властью и войной, которые обнаруживаются и в кельтских, и в тевтонских языках, были заимствованы последними у первых. Важнейшие из них – те, которые в современном немецком превратились в «*Reich*» – «империя» и «*Amt*» – «служба», а также готское «*reiks*» – «король», бесспорно, имеют кельтское происхождение. Кроме того, к кельтским заимствованиям де Жюбенвилль причисляет слова «*Bann*» – «принуждение», «*frei*» – «свободный», «*Geisel*» – «заложник», «*Erbe*» – «наследство»; «*Werth*» – «стоимость», «*Weih*» – «освящение», «*magus*» – «раб» (готский), «*wini*» – «жена» (древневерхнегерманский), «*skalks*», «*schalk*» – «раб» (готский), «*hathu*» – «битва» (общегерманский); «*Helith*», «*Held*» – «герой», от того же корня, что и «*Celt*»; «*Heer*» – «армия» (кельтское «*chorus*»), «*Sieg*» – «победа», «*Beute*» – «добыча», «*Burg*» – «крепость» и многие другие.

Интересна этимология некоторых из них. Так, «*Amt*», столь значимое для современной немецкой системы управления слово, восходит к древнекельтскому «*ambhactos*», которое является собой производное от слов «*ambi*» – «около» и «*actos*», причастия прошедшего времени от корня «*AG*», что значит действовать. Далее, «*ambi*» происходит от индоевропейского «*mbhi*», где *m* – нечто вроде гласной, которая на санскрите впоследствии обозначалась как *a*. Эта гласная *m* превращается в *v* в тех германских словах, которые восходят непосредственно к индоевропейским корням. Но слово, ныне звучащее как «*Amt*», имеет первоначальную форму «*ambacht*», что указывает на его происхождение от кельтского «*ambhactos*».

Опять же, для «*frei*» выявлена первоначальная форма «*frījo-s*», восходящая к индоевропейскому «*grījo-s*». Здесь слово еще не означает «свободный», но «возлюбленный» (санскритск. «*prīya-s*»). Однако в кельтском языке *grījos* теряет начальное *p*; затруднения, которые вызывало произнесение этого звука, – характерная черта древнекельтского языка; *lj* во всем правилам превращается в *dd*, и в современном валлийском звучит как «*rhydd*» – «свободный». Первоначальное, индоевропейское значение сохранилось в германских языках в имени богини любви – *Freia*, и в словах «*Freund*» – «друг», «*Friede*» – «мир», «согласие». Значение, связанное

с наличием определенных прав, восходит к древнекельтскому употреблению слова, и в этом смысле, очевидно, оно представляет собой заимствование.

Немецкое «Beute» («добыча») имеет поучительную историю. Существовало галльское слово «bodi», сохранившееся в сложных словах типа топонима «Segobodium» (Сево) и разных личных именах и племенных названиях, включая имя Boudicca; впрочем, та, кому оно принадлежит, более известна как «бриттская королева-воительница», Боадицея. Означало оно в древности «победа». Но плоды победы, конечно, трофеи, и в этом материальном смысле слово было заимствовано немецким, французским («burin»), норвежским («byte») и валлийским («budd») языками. С другой стороны, в ирландском слово сохранило всю сложность своего значения. В ирландском переводе первой книги Паралипоменон, там, где в Вульгате говорится: «*Tua est, Domine, magnificentia et potentia et gloria et victoria*» (29:11)¹⁷ слову «victoria» соответствует ирландское buaidh, а, как отмечает де Жюбенвилль, «речь здесь идет отнюдь не о добыче». Он продолжает: «Buaidh, благодаря развитой книжной культуре, сохранило в ирландском то возвышенное значение, которое оно имело в языке галльской аристократии. Низшие слои населения воспринимали только материальный смысл слова, и в немецком, французском и валлийском языках запечатлелась именно эта традиция»¹⁸.

И тем не менее, две вещи кельты так и не смогли или не захотели передать покоренным германским племенам – свой язык и свою религию. Эти два фактора, составляющие основу единства нации и предмет ее гордости, стали причиной того, что в итоге германцы все-таки взбунтовались и свергли главенство кельтов. Имена германских богов отличны от имен богов кельтских, различаются и погребальные обряды, связанные с сокровеннейшими верованиями примитивных народов. Кельты, или, по крайней мере, большая их часть, хоронили своих мертвецов в земле, полагая кремацию унижением и применяя ее только в отношении преступников, а также пленников и рабов, которых они сжигали во время жертвоприношений, представляющих собой самое мрачное пятно на репутации этого народа. Напротив, германцы складывали для почтенных покойников погребальные костры, подобно грекам в ранний период истории; если не было возможности предать огню все тело, сжигались наиболее благородные его части – голова и руки, а оставшееся погребали.

Падение кельтской империи

Что именно произошло во время восстания германцев, мы никогда не узнаем; однако известно, что с 300 г. до н. э. кельты, по-видимому, бесповоротно утратили прежнее политическое единство и общую цель, ранее их сплачивавшую. Словно раскиданные в разные стороны могучим подземным взрывом, эти племена, подобно лавовым потокам, устремились на юг, на восток и на запад. Некоторые пробрались в Северную Грецию, где осуществили крайне возмущивший их прежних друзей и союзников акт насилия – разорили святилище в Дельфах (273 г. до н. э.). Другие пытались возобновить, но неудачно, прежнюю борьбу с Римом и понесли огромные потери в битвах при Сентине (295 г. до н. э.) и Вадимонском озере (283 г. до н. э.). Некая группа дошла даже до Малой Азии и основала там кельтское государство Галатия, где в IV в. н. э. еще говорили на кельтском наречии, как свидетельствует блаженный Иероним. Прочие, очевидно, стали наемниками Карфагена. Жаркие схватки кельтов с разрозненными германскими племенами или с такими же кельтами, но явившимися в эти земли на волне предшествующих миграций, происходили на всей территории Центральной Европы, Галлии и Британии. Когда все успокоилось, от Кельтской империи остались лишь Галлия и Британские острова – единственные страны, где еще распоряжались кельтские вожди. С началом христианской

¹⁷ Твое, Господи, величие, и могущество, и слова, и победа...

¹⁸ Первые обитатели Европы, п. С. 355, 356.

эры эти области оказались под игом Рима, и окончательная их романизация стала только вопросом времени.

Уникальная историческая ситуация в Ирландии

Лишь в Ирландию никогда даже не забредали – не то что не захватывали ее – римские легионеры, и она сохраняла независимость, невзирая на всех пришельцев, формально до конца XII в., реально же – еще добрых три столетия.

Потому Ирландия представляет для нас особый интерес, ведь она пронесла исконную кельтскую цивилизацию, кельтские общественные установления, искусство, литературу и древнейшую из существующих форму кельтского языка¹⁹ через провал, отделяющий античность от современности, языческий мир от христианского, и представила все это пред очи современных историков и исследователей.

Характер кельтов

Как физические, так и нравственные качества, на удивление последовательно приписываемые классическими авторами кельтским племенам, весьма нетипичны сами по себе. Многое из того, что сообщают писатели, можно сказать о любом неразвитом, лишенном письменности народе, и все же своеобразных черт оказывается столько, что, если зачесть все эти античные описания, не называя, о ком идет речь, каждый человек, более-менее знакомый хотя бы с историей Нового времени, наверняка без колебаний назовет именно кельтов.

Некоторые из этих сообщений уже упоминались, и нет нужды повторять здесь слова Платона, Эфора или Арриана. Однако следует, пожалуй, добавить высказывание Марка Порция Катона: «Есть две вещи, которым галлы отдаются целиком – искусство войны и изящество речи (*rem militarem et argute loqui*)».

Рассказ Цезаря

Цезарь оставил нам весьма аккуратный и содержательный рассказ об обитателях Галлии. Он сообщает, что галлы со всем пылом бросаются в битву, но быстро падают духом в случае поражения. Они невероятно суеверны, подчиняются друидам во всем – и в общественных, и в

¹⁹ По-видимому, ирландский фиксирует более древнюю форму кельтского языка, нежели валлийский. На это указывают многие лингвистические особенности ирландского языка, из которых здесь можно кратко перечислить лишь основные. Гойделлы, или гэльские кельты, которые, согласно общепринятой теории, первыми колонизировали Британские острова, изгнанные на крайний запад своими сородичами с материка, питали особую неприязнь к звуку *p*. Так, индоевропейский префикс «*pa-*», в греческом давший «Пора», в древнекельтском превращается в «*ga-*», как в названиях *Age-morici* (армориканцы, те, кто живет *ar muir*, у моря); *Age-dunum* (Арденны, Франция); *Age-cluta*, то, что рядом с ЫСлотой (Клайд), ныне Дамбартон, *Age-taunon* в Германии (близ горной цепи Тавн) и т. д. Этот звук или просто исчезал, или переходил в *c* (*k*, *g*). Но приблизительно в VI в. до н. э. язык континентальных кельтов заметно изменился. Каким-то необъяснимым образом они приобрели способность к произношению *p*, и даже заменили им уже наличествовавший *c*; так, первоначальное «*Cretanis*» превратилось в «*Pretanis*», Британия; числительное «*cetuares*» (четыре) преобразилось в «*retuares*», и так далее. Кельтские топонимы в Испании свидетельствуют, что данное изменение прошло еще прежде завоевания кельтами этой страны, имевшего место в 500 г. до н. э. Но если сопоставить ряд ирландских и валлийских слов, то мы увидим, что ирландский избегает *p*, чего никак нельзя сказать про валлийский. Вот несколько примеров: *ирландский валлийский перевод* *crann* *prenn* дерево *mac* *mar* сын *cefn* *pen* голова *clunh* [*cluv*] *pluv* перо *cuig* *rimr* пять Как будто бы вполне очевидно, что ирландский сохранил для нас более древнюю форму языка. Интересно, что ирландцы продолжали не любить *p* до относительно недавнего времени. Так, латинское «*Pascha*» перешло в «*Casg*»; «*purpur*» – «*purpur*» – «*purpur*» – «*purpur*»; «*pulsatio*» (через французское «*pouls*») в «*cuisle*». Тем не менее следует отметить, что Никольсон в своих «Кельтских изысканиях» пытается доказать, что в древнейший период кельты-гойделлы способны были произносить так называемое индоевропейское *p*, то есть одиночный звук *p*, вне сочетания с другой согласной. Едва ли можно сейчас считать этот вопрос окончательно решенным.

частных вопросах, и худшим наказанием считают запрет участвовать в религиозных церемониях:

«Кто таким образом отлучен [то есть не подчинившись приговору друидов], тот считается безбожником, преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды, точно заразного; как бы он этого ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую-либо должность. <...> Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими. <...> Вследствие таких преимуществ многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники. Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов до двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом»²⁰.

Кельты, по описанию Цезаря, жадны до новостей (часто останавливали купцов и путешественников, дабы послушать их рассказы)²¹, подвержены чужому влиянию, доверчивы, слабохарактерны, скоры на решения и склонны ко всяким переменам²². Одновременно они отличаются большой смысленностью и способностью быстро перенимать и воспроизводить то, чему учат другие²³. Цезарь особо отмечает то искусство, с которым они противостояли неизвестной им римской системе осады. Он с большим уважением отзывается об их отваге, приписывая свойственное им презрение к смерти, до некоторой степени, по крайней мере, их твердой вере в бессмертие души. Народ, который в прошлом не раз наносил поражение римским войскам, который разорил Рим и который самого Цезаря не раз ставил в ситуацию очень серьезную и опасную, очевидно, состоял не из слабаков, каковы бы ни были их верования и ритуалы. Цезарь не склонен к сентиментальному восхищению противником, но один эпизод осады Аварики заставляет его прославлять доблесть его защитников. Римляне возвели деревянную постройку – аггер, дабы добраться до стен, неприступных для тарана. Галлы подожгли ее. Чрезвычайно важно было не дать осаждающим затухнуть пламя, и некий галл со стены над аггером принялся кидать в огонь комки сала и смолы, которые ему передавали изнутри. Вскоре он был убит выстрелом из римской катапульты. Один из его помощников немедленно перешагнул через его труп и продолжал его дело. Он тоже пал, но его место занял третий, затем четвертый; и это прекратилось только тогда, когда легионеры окончательно потушили пламя и оттеснили защитников внутрь города, который на следующий день взяли²⁴.

Страбон о кельтах

Географ и путешественник Страбон, умерший в 24 г. н. э. и живший, таким образом, несколько позже Цезаря, немало сообщает нам о кельтах. Он отмечает, что их земля (то есть Галлия) густо заселена, хорошо возделана и весьма плодородна. Женщины отличаются плодотворностью, они хорошие кормилицы. Мужчины войнолюбивы и бросаются в бой без оглядки, отважны, но простодушны и незлобивы, и их легко одолеть, применив хитрость. Они тянутся к цивилизации и переняли в Массалии греческое письмо и образованность, в их городах учреждаются общественные школы. Они более искусные всадники, чем пехотинцы; во времена Страбона кельты составляли цвет римской кавалерии. Они живут в больших куполообразных

²⁰ Записки о Галльской войне, VI, 13.

²¹ Как сообщает Эдмунд Спенсер в своем трактате «О современном состоянии Ирландии», ирландцы «имеют обычай часто посылать в разные места, чтобы узнать новости, и если где-нибудь встречаются двое, то их первый вопрос после приветствия будет: «Какие новости?»

²² Записки о Галльской войне, IV, 5.

²³ Там же, VII, 22.

²⁴ Записки о Галльской войне, VII, 25.

домах из досок и плетней – без сомнения, обмазанных глиной и известью, как в Ирландии, – на которые сверху набросана масса тростника. В Галлии существовали могучие города, и Цезарь отмечает прочность городских стен, сложенных из бревен и камня. И Цезарь, и Страбон сходятся в том, что между знатью и жрецами, то есть образованными слоями населения, с одной стороны, и простым народом – с другой, имелась четкая граница, и последние совершенно подчинялись первым. Конечно, общественное разделение примерно соответствовало делению по национальному признаку – «аристократия» состояла из кельтов-завоевателей, а в качестве «простолюдинов» выступали покоренные местные племена. Цезарь сообщает, что учение друидов предполагает бессмертие души, Страбон же добавляет, что они верят в нерушимость, то есть в известном смысле божественность, материальной вселенной.

Кельтский воин любил щегольнуть. Его привлекало все, что придавало жизни блеск и ощущение полноты. Оружие его было всегда великолепно украшено, конская сбруя сверкала бронзой и эмалью, причем узоры не уступали в изяществе шедеврам Микен и Крита, одежду его покрывала золотая вышивка. Стоит упомянуть историю о том, как Верцингеториг изъявлял покорность Риму, поскольку она демонстрирует типично кельтскую смесь рыцарского благородства и того, что рассудительным римлянам представлялось детским хвастовством²⁵. Когда падение Алезии положило конец его героической борьбе с Римом и он понял, что все потеряно, король созвал совет и сказал вождям, которых он провел через всю славную, хотя и окончившуюся поражением, войну, что готов пожертвовать собой ради своих верных последователей – и пусть они либо отошлют Цезарю его голову, либо он сдастся римлянам сам, дабы соплеменники его смогли добиться лучших условий. Выбрано было второе. Тогда Верцингеториг облачился в самые роскошные доспехи, надел на коня самую великолепную сбрую, объехал трижды вокруг римского лагеря, явился к Цезарю и положил к его ногам свой меч, составлявший до тех пор единственную защиту галльской независимости. Цезарь отослал его в Рим, где тот шесть лет провел в заточении и был казнен, когда победоносный военачальник праздновал свой триумф.

Тем не менее любовь кельтов к роскоши и к искусству зачастую сочеталась с самым грубым варварством. Страбон говорит, что, когда воины возвращались домой с победой, то головы их врагов свисали с шей их лошадей – точно так же головы убитых висят на колеснице Кухулина, возвращающегося в Эмайн после набега на Коннахт. Хозяйственное устройство у кельтов было самое грубое: они спали на земле, сидели на соломенных тюфяках, а женщины их работали в поле²⁶.

Полибий

У Полибия в описании битвы при Кластидии (222 г. до н. э.) есть примечательная сцена. Он сообщает, что гесаты²⁷, стоявшие в первых рядах кельтской армии, вышли на битву обнаженными, и вид этих могучих воинов, на белой коже которых сверкали ожерелья и браслеты из золота, столь любимого кельтами, заставил затрепетать римских легионеров. Но на исходе дня все эти золотые украшения отправились на обозах в город Рим, и Полибий подытоживает свой рассказ следующим замечанием: «Галаты не в большинстве случаев только, но во всем

²⁵ Этой истории нет у Цезаря, но о ней упоминают Плутарх и историк Флор; многие серьезные ученые (например, Моммзен и Лонг) считают ее достоверной.

²⁶ *Страбон*. География, FV, I–V.

²⁷ Это племя получило свое название по излюбленному ими виду оружия, которое римляне называли гаесум – своего рода дротик. Крученое золотое ожерелье можно видеть на знаменитой статуе агонизирующего галла, широко известной под названием «Умирающий гладиатор». В Национальном музее Дублина имеется немало такого рода украшений.

и везде руководствовались страстью, а не рассудком». Легко представить, что целомудренная простота, отличавшая германцев, никогда не была отличительным свойством кельтов²⁸.

Диодор

Диодор Сицилийский, современник Юлия Цезаря и Августа, путешествовавший по Галлии, в целом подтверждает рассказы Цезаря и Страбона, но прибавляет к ним несколько интересных деталей. В частности, он отмечает любовь галлов к золоту. Из него изготовляли даже панцири. Эта черта была весьма характерна и для Ирландии, где найдено невероятное количество доисторических золотых изделий; известно, что некогда их было значительно больше. Посидоний и Диодор рассказывают, что в храмах и святилищах лежало множество золотых подношений, которых никто даже не касался. Диодор говорит о великом почтении, с которым относились к бардам, и, вслед за Катонем, отмечает, как нечто особенное, что образованные галлы «в речах немногословны и иносказательны и часто высказываются загадочными намеками»²⁹. Таков точно и язык древнеирландской литературы, отличающийся невероятной лаконичностью и одновременно содержательностью. Друид считался необходимым посредником между богом и человеком – никто не мог принести жертву без его участия.

Аммиан Марцеллин

Аммиан Марцеллин, писавший значительно позднее, во второй половине IV столетия н. э., также побывал в Галлии, к тому времени, разумеется, сильно романизированной. Однако, как и его предшественники, он говорит о силе, красоте и заносчивости галльских воинов. Он добавляет, что эти люди, особенно в Аквитании, исключительно опрятны и чистоплотны, и нет никого, кто бы ходил в лохмотьях. Галльские женщины, согласно его описанию, очень высоки ростом, голубоглазы и удивительно красивы; но здесь к его явному восхищению примешивается элемент робости, ибо, как он утверждает, если и с мужчиной-галлом драться небезопасно, то, когда ему на помощь придет его жена и начнет наносить «белоснежными могучими руками» удары не слабее ударов тарана – тогда пиши пропало. Тут же вспоминается целая галерея образов смелых, независимых, страстных ирландских женщин – Медб, Грайне, Финдабайр, Дейрдре и – личность вполне реальная – Боадия, чье имя вошло в легенды Британских островов.

Раис Холмс о Галлах

Дабы суммировать то, что нам известно о жизни и занятиях кельтов незадолго до наступления христианской эры, приведем следующий пассаж из книги доктора Раиса Холмса «Завоевания Цезаря в Галлии», вполне применимый и к ситуации в Ирландии:

«Народы Галлии по своему развитию значительно превышали уровень дикарей; а обитатели внутренних областей, многие из которых уже попали под римское влияние, приобрели некоторую цивилизованность и отчасти даже приобщились к роскоши. Штаны их, из-за которых провинция получила название Gallia Bracata, и их разноцветные плащи и килты приводили завоевателей в изумление. Их вожди носили золотые кольца, браслеты и ожерелья; и когда эти высокие светловолосые воины мчались на битву, в шлемах, сделанных в форме головы какого-нибудь хищного зверя, увенчанных раскачивающимися перьями, в кольчугах, с продолговатыми щитами и огромными бряцающими мечами – это было красивое зрелище. Обнесенные

²⁸ Полибий. Всеобщая история, II, 29–35.

²⁹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, V, 31.

стенами города или просто крупные поселения, представлявшие собой укрепленное убежище того или иного племени, располагались на вершинах многочисленных холмов. Равнины были усеяны множеством мелких деревушек. Большие дома, выстроенные из досок и плетней, старательно покрывали тростником. Летом поля золотились от жита. От города к городу тянулись дороги. Через реки были переброшены грубо сделанные мосты; под ними спешили по своим делам баржи, груженные всевозможным товаром. Корабли, хотя и неуклюжие, но превосходившие по размерам все суда Средиземноморья, отважно боролись со штормами Бискайского залива и доставляли грузы от пристаней Бретани к побережьям Британии и обратно. За транспортировку товаров на далекие расстояния по воде взимали пошлину, и, именно взяв на откуп их сбор, знать сколотила большую часть своих богатств. В каждом племени чеканили свою монету. Писать греческими и латинскими буквами умели отнюдь не только жрецы. Эдуйцы знали искусство лужения и омеднения. Рудокопы Аквитании, Оверна и Берри славились своим мастерством. Вообще в своем материальном благосостоянии народы Галлии, с тех пор как их предки впервые столкнулись с Римом, прыгнули далеко вперед»³⁰.

Слабость кельтской стратегии

И тем не менее, кельтская цивилизация, во многих отношениях столь привлекательная и многообещающая, очевидно, несла в себе некий изъян, недочет, из-за которого кельты не смогли выстоять в борьбе против греко-римского античного мира и сдержать натиск грубой юной силы германских племен. Давайте попробуем выяснить, в чем здесь было дело.

Классическое государство

В основе успеха народов классической античности лежало представление об общественном устройстве (????? *res publica*) как о некоей божественной сущности, фундаменте, на котором зиждется благополучие людей, освоенном достоинствами древности, но обновляющемся с каждым поколением. Этой силе любой из людей мог служить с восторгом, зная, что, даже если преданное его служение и не будет запечатлено на скрижалях, все же плоды этого служения переживут его самого и станут частичкой славы его родного города или отечества на все будущие времена. Поэтому Сократ, когда друзья предлагали ему спастись от смертного приговора, бежав из тюрьмы, укорял их за то, что они подговаривали его нарушить законы родной страны. Ибо отечество, говорил он, каждый человек должен почитать больше отца и матери, и каждый обязан соблюдать законы, под защитой которых прожил всю свою жизнь, или же он навлечет на себя справедливый гнев их великих братьев – законов Подземного мира, по которым умерший будет отвечать за свое поведение на земле. В большей или меньшей степени, но это возвышенное представление о государстве было, по сути, религией любого грека или римлянина классической эпохи; оно и придавало политическим объединениям устойчивость, цельность и способность к развитию.

³⁰ Завоевания Цезаря в Галлии. С. 10, 11. Позволим себе добавить только, что знатные кельты, как и тевтоны, относились к долихоцефалам – то есть головы у них были продолговатыми. Это подтверждают останки, найденные в бассейне Марны, где проживала значительная доля кельтского населения. Один раз был обнаружен целый скелет галльского воина вместе с боевой колесницей, железным шлемом и мечом; теперь находка выставлена в Музее Сен-Жермен. В настоящее время обитатели Британских островов в подавляющем большинстве своем длинноголовы, круглоголовый «альпийский» тип встречается крайне редко. Жители современной Франции круглоголовы. Впрочем, форма головы, как теперь известно, ни в коей мере не может служить отличительным свойством нации. В новом окружении тип быстро меняется, как показывают обследования потомков американских иммигрантов.

Германская верность

Германцев сплачивала другая сила, которая, смешавшись с греко-римским поклонением государству и зачастую доминируя над ним, стала основой для формирования европейских наций. Речь идет о личной преданности вождю, которая очень быстро переросла в преданность королевской династии. Это чувство, которое немцы называют *Треуе*, коренящееся глубоко в натуре германца, как никакое другое, способно стать источником величайшего самопожертвования.

Религия кельтов

В человеческой душе все смешано, и личная преданность не была абсолютно чужда народам античности. Гражданский патриотизм, хотя и долго приживался среди германцев, в конце концов прочно утвердился в их среде. Ни то ни другое не было уж вовсе не знакомо кельтским племенам, но здесь действовала иная сила, по сравнению с которой все прочее блекло; она-то и обеспечивала единство и общность политической стратегии. Это была религия; возможно, следует даже сказать «клерикализм», принимая во внимание существование четкой религиозной догматики и жреческой касты, занимавшейся обрядовой стороной веры. Друиды, как мы уже узнали от Цезаря, чьи наблюдения подтверждают Страбон, а также сами ирландские предания³¹, представляли собой реальную верховную власть в кельтских землях. Влияние их простиралось на все области жизни, как общественной, так и частной, и хотя действительность их приговоров, как и в случае со средневековыми интердиктами католической церкви, зиждилась лишь на народных суевериях, тем не менее они могли сокрушить самый гордый дух. В этом и заключалась слабость Кельтики. Возможно, один из самых наглядных уроков истории состоит в том, что народы, которыми управляют священнослужители, чей авторитет держится силой сверхъестественного, неспособны к прогрессу. Свободное, естественное развитие светских институтов, социальной жизни и культуры по определению несовместимо с такого рода властью. Какова бы ни была религия – будь то друидизм, ислам, иудаизм, христианство, фетишизм, – священство, заявляющее о своем праве решать проблемы брэнного мира, данном ему некими сверхчеловеческими авторитетами, неизбежно становится врагом того критического, рационального образа мыслей, который необходим для успешного развития науки.

Проклятие Тары

Уникальное в своем роде и весьма убедительное подтверждение этой истины можно почерпнуть в древней истории кельтского мира. В VI в. н. э., примерно через сотню лет после христианской проповеди святого Патрика, в Ирландии правил Диармайд Мак Кербалл. Он был верховный король, резиденцией его служила Тара в области Мит; его номинальное главенство над королями пяти провинций и верховная законодательная власть воплощали собой первый шаг ирландского народа к национальному единству. Первым условием такого единства является формирование единого централизованного правления. Это правление олицетворял, по крайней мере в теории, верховный король. Вышло так, что один из слуг Диармайда был убит неким знатным человеком по имени Хуг Гуайре. Гуайре был братом епископа – воспитанника

³¹ Например, в «Похищении быка из Куальнге» король Ульстера не должен был заговаривать с посланцем, пока его не спросит друид Катбад. Так и хочется припомнить строчки из поэмы Самуэля Фергюсона «Конгал»: Ибо и поныне, с тех пор, как Катбад Уснеха в трясин у сынов поверг, что заклинанием отверз у Красной ветви врат, бесчестье и позор на королях лежат. (Перевод Г.М. Северской)

святого Руадана, и, когда Диармайд послал своих людей арестовать убийцу, духовные отцы спрятали преступника у себя. Однако Диармайд решил отыскать его во что бы то ни стало, обнаружил в монастыре святого Руадана и привел в Тару на суд. Тут же все священнослужители Ирландии объединились против светского правителя, посмеявшегося творить суд над преступником, который находился под защитой духовных лиц. Они собрались в Таре и принялись поститься³², предавая проклятию короля и его столицу. Тогда, как сообщает нам рассказчик, жене Диармайда приснился пророческий сон:

«На лугу Тары стоит огромное дерево с широкими листьями, и одиннадцать рабов пытаются срубить его; но каждая щепка, которую они откалывают, возвращается на свое место и прирастает; наконец появляется человек и единожды ударяет по дереву, и оно падает от этого единственного удара».

Прекрасным деревом была ирландская монархия, двенадцатью рубившими – двенадцать «апостолов» Ирландии, а срубил дерево святой Руадан. Слова короля, просившего за свою страну, судьба которой, как он понял, висит на волоске, воссозданы ирландским хронистом с удивительной силой и живостью³³.

«Увы мне, – молвил он, – ибо жестока и несправедлива война, что ведете вы против меня; я вижу, что защищаю благо Ирландии, желая сохранить в ней порядок и королевскую власть; вы же боретесь за непокой Ирландии и ее гибель».

Но Руадан сказал: «Да будет заброшена Тара на веки веков», и страх людей перед церковным проклятием победил. Преступника освободили, Тара опустела, и до прихода завоевателей Ирландия не видела эффективного светского правления, исключая период, когда трон оказался в руках могущественного узурпатора Бриана Бору. Последние слова цитируемого нами источника – вопль отчаяния Диармайда: «Горе тому, кто вступает в сражение с клириками».

Мы обсуждаем этот эпизод столь подобно потому, что в нем отражено явление, оказавшее огромное влияние на весь ход истории кельтских народов, насколько мы можем проследить ее сквозь вереницу значимых событий, начиная со времен Юлия Цезаря и до сегодняшнего дня. В чем его истоки, мы обсудим позднее; теперь достаточно обратить на него внимание, поскольку именно этот фактор воспрепятствовал развитию кельтской нации в том плане, в каком можно говорить об этом применительно к народам классической античности или к германцам.

Чем Европа обязана кельтам

И тем не менее, ошибкой будет полагать, что кельты не оказали никакого влияния на Европу. Вклад их в культуру западного мира весьма обширен. Около четырехсот лет – примерно с 500-го по 900 г. н. э. – Ирландия была единственным оплотом учености, чье влияние в области литературы и философии распространялось на пол-Европы. Стиховые формы кельтской поэзии сыграли, пожалуй, основополагающую роль в формировании структуры современного стиха, а предания ирландцев, шотландцев и валлийцев давали пищу воображению многих и многих обитателей материка. Кельты не создали масштабной целостной литературы, как не создали стабильного государственного объединения. Их мышление было субъективным и конкретным. Все, любой предмет или явление, накладывало живой отпечаток на их души и глубоко трогало их; они были чувствительны и впечатлительны до крайности, но они не умели

³² Как и в Индии, в Ирландии существовал обычай, согласно которому человек, несправедливо обиженный кем-то из власть имущих, садился на пороге дома своего обидчика и голодал до тех пор, пока тот не исполнял требуемое. В Ирландии подобному действию приписывалась магическая сила, влияние которой могло быть нейтрализовано только другим человеком, постившимся точно так же.

³³ Здесь цитируется текст, содержащийся в пергаменте XV в., найденном в 1814 г. в Лисморском замке, и приписываемый одному из верных слуг Диармайда.

оценивать эти явления и вещи в более широкой перспективе. Они не умели служить идее и создавать общественные институты и нормы права; но они были и остаются незаменимыми и стойкими защитниками гуманности, человечности от деспотизма мертвых идей и от холодной жестокости правовых норм. Институт монархии и идеи гражданского патриотизма равно способны превратиться в голую выхолощенную формулу, сковывая, а не питая душу. Кельты всегда восставали против всего, что не несло в себе дыхания жизни, против чисто внешних, мертвых форм правления. Они чересчур спешили наслаждаться прекрасными плодами, не умея долго и тщательно возделывать сад; и все же они сослужили и еще сослужат великую службу современному миру, ибо знают, что подлинным цветом жизни является духовная реальность и забвение этой истины в механическом чреве материальной цивилизации не приносит ничего, кроме жгучей боли и чувства утраты.

Глава 2

Религия кельтов. Ирландия и религия кельтов

Мы уже говорили, что из всех кельтских народов ирландцы представляют особый интерес, ибо их культура сохранила и донесла до нас многие особенности культуры древних кельтов. И тем не менее, свою религию даже они не перенесли через провал, отделяющий нас от древности.

Они не просто сменили веру; они отреклись от нее полностью, так что никаких упоминаний не осталось. Святой Патрик, сам кельт, в V в. обративший Ирландию в христианство, оставил нам автобиографическое повествование о своей миссии, документ чрезвычайно интересный, представляющий собой первое письменное свидетельство о христианстве в Британии; однако он не сообщает нам ничего о тех учениях, над которыми одержал победу. Значительно больше мы узнаем о кельтских верованиях от Юлия Цезаря, воспринимавшего их исключительно как посторонний наблюдатель. В обширном корпусе легенд, записанных в известной нам форме в Ирландии, между VII и XII столетиями, хотя они зачастую восходит явно к дохристианскому источнику, не содержится, помимо ссылок на веру в магию и существование неких официальных ритуалов, никаких сведений о религиозной или хотя бы нравственно-этической системе древних кельтов. Мы знаем, что отдельные представители знати и барды долго сопротивлялись новой вере, и это противостояние разрешилось в VI в. в битве у Моро, но никаких следов полемики, ничего, что свидетельствовало бы о борьбе двух учений, которую отражают, к примеру, описания споров Цельса и Оригена, до нас не дошло. Как мы увидим, литература средневековой Ирландии содержит в себе многочисленные отзвуки древних мифов, там появляются тени существ, которые в свое время, несомненно, были богами или воплощениями стихий; но религиозное содержание этих историй выхолощено, и они превратились просто в красивые повести. И тем не менее, не только Галлия обладала, о чем свидетельствует Цезарь, собственным развитым вероучением, как мы узнаем из того же источника, Британские острова представляли собой центр кельтской религии, были, так сказать, кельтским Римом.

Давайте попробуем описать в общих чертах эту религию, прежде чем переходить к разговору о мифах и легендах, ею порожденных.

Народная религия кельтов

Но прежде следует подчеркнуть, что религия кельтов, конечно, была сложным образованием, и ее нельзя ни в коем случае сводить к тому, что мы называем друидизмом. Помимо официальной доктрины в ней присутствовали верования и предрассудки, явившиеся из источника более глубокого и более древнего, нежели друидизм, которым было суждено надолго пережить его, – и по сей день нельзя говорить об их полном исчезновении.

Народ мегалитов³⁴

Религии примитивных народностей по большей части вырастают из обрядов и практик, связанных с погребением мертвых. Мы не знаем ни имени, ни истории древнейшего из известных народов, населявших «кельтские» территории в Западной Европе, но, благодаря многочисленным сохранившимся захоронениям, можем сказать о них довольно много. Это был

³⁴ Необходимо заметить, что изложенная здесь концепция «народа мегалитов» в настоящее время полностью отвергнута археологами. (Примеч. пер.)

так называемый народ мегалита, строивший дольмены, кромлехи и курганы с погребальными камерами, которых в одной только Франции насчитывается более трех тысяч. Дольмены имеются на юге Скандинавии и южнее на всем западном побережье Европы вплоть до Гибралтарского пролива и на средиземноморском побережье Испании. Они обнаружены также на некоторых западных островах Средиземного моря и в Греции, а именно в Микенах, где рядом с великолепным погребением в Атрейдах еще возвышается древний дольмен. Грубо говоря, если мы проведем линию от устья Роны на север, к Варангер-фьорду, то все дольмены, исключая несколько средиземноморских, окажутся к западу от этой линии. К востоку до самой Азии мы не встретим ни одного. Однако, переправившись через Гибралтарский пролив, мы обнаруживаем их на всем североафриканском побережье, а также на востоке – в Аравии, Индии и даже в Японии.

Дольмены, кромлехи и курганы

Следует пояснить, что дольмен – это нечто вроде дома, стены которого – прямостоящие необработанные камни, а крыша – обычно цельный огромный камень. Строение в плане зачастую имеет форму клина, часто можно обнаружить намеки на своего рода «крыльцо». Исходное предназначение дольмена – служить обиталищем для мертвых. Кромлех³⁵ (который в обиходном языке нередко смешивают с дольменом) – это, собственно, круг из стоячих камней, в центре которого иногда помещается дольмен. Считается, что большинство, если не все известные дольмены прежде были скрыты под насыпью из земли или меньших камней. Иногда, как, например, в Карнаке (Бретань), отдельные стоячие камни образуют целые аллеи; очевидно, они в данной местности выполняли некую ритуально-богослужбную функцию. Поздние памятники, как, скажем, в Стоунхендже, могут складываться из обработанных камней, но, так или иначе, грубость сооружения в целом, отсутствие скульптурных и каких-либо украшений (помимо орнаментов или просто отдельных символов, высеченных на поверхности), явное желание произвести впечатление за счет нагромождения огромных глыб, равно как и некоторые другие черты, о которых пойдет речь в дальнейшем, сближают все эти постройки и отличают их от гробниц древних греков, египтян и других более развитых народов. Дольмены в собственном смысле слова в конце концов уступают место огромным курганам с погребальными камерами, как в Нью-Грэйндж, которые тоже считаются делом рук народа мегалитов. Эти курганы естественным образом возникли из дольменов. Первые строители дольменов принадлежали к эпохе неолита и пользовались орудиями из полированного камня. Но в курганах находят не только каменные, но также бронзовые и даже железные орудия – сперва, очевидно, привозные, но потом появляются и изделия местного производства.

Происхождение народа мегалитов

О языке, на котором говорил этот народ, можно судить лишь по следам его в языке завоевателей – кельтов. Но карта распределения памятников неопровержимо свидетельствует в пользу того, что их создатели явились из Северной Африки; что они сперва не умели путешествовать по морю на длительные расстояния и шли на запад вдоль побережья Северной Африки, после чего перебрались в Европу там, где Средиземное море у Гибралтара сужается до

³⁵ Неточность автора – кромлехом, как следует из самого его названия, называют отнюдь не круг из камней, а одиночный стоящий наклонно камень. (Примеч. пер.)

Дольмен в Пролике, Ирландия размеров узкого пролива шириной всего в несколько миль, и оттуда расселились по западным областям Европы, включая Британские острова, а на востоке они через Аравию прошли в Азию. Следует, однако, помнить, что, будучи изначально, вне всякого сомнения, особой расой, по прошествии времени народ мегалита обладал уже не расовым, а лишь культурным единством. Это со всей очевидностью доказывают человеческие останки, обнаруженные в гробницах, точнее, разнообразие форм их черепов³⁶. Археологические находки характеризуют строителей дольменов в целом как представителей высокоразвитой для своего времени цивилизации, знакомых с земледелием, скотоводством и до определенной степени с морскими плаваниями. Сами памятники, зачастую впечатляющих размеров, требовавшие при своем возведении обдуманных и организованных усилий, явно говорят о существовании в то время жречества, заботившегося о погребениях и способного контролировать значительные группы людей. Умерших, как правило, не сжигали, а хоронили в целости – впечатляющие монументы, очевидно, отмечают места захоронений важных особ, от могил простых людей до нас не дошло никаких следов.

³⁶ См. «Дольмены Ирландии» Борласа, где обсуждается этот вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.